

УДК 327.39

П.И. ПАШКОВСКИЙ

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Пашковский Петр Игоревич – преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, кандидат политических наук

Рассмотрены основные тенденции внешнеполитических интересов Исламской Республики Иран на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Исламская Республика Иран, внешнеполитические интересы.

Розглянуто основні тенденції зовнішньополітичних інтересів Ісламської Республіки Іран на пострадянському просторі.

Ключові слова: пострадянський простір, Ісламська Республіка Іран, зовнішньополітичні інтереси.

The main trends in the foreign policy interests of the Islamic Republic of Iran in the post-Soviet space have been investigated.

Keywords: post-Soviet space, Islamic Republic of Iran, foreign policy interests.

© П.И. Пашковский, 2013

Постановка проблемы. Российско-иранские отношения имеют богатую историю, начиная с 1592 г., – времени посещения Кремля первым послом Персии и официального установления отношений между правящими династиями Рюриковичей и Сефевидов [1]. На современном этапе наблюдается интенсификация российско-иранского сотрудничества по ряду направлений. При этом с момента дезинтеграции СССР и возникновения постсоветского пространства, Исламская Республика Иран (ИРИ) в указанном регионе стремится реализовать собственный сценарий [2, с. 177-180].

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема изучения данного аспекта политики Ирана характеризуется обширной историографией. В основу настоящей статьи положены труды таких специалистов, как Дж.Брук, К.Гаджиев, А.Ирхин, Ф.Кабилов, В.Коргун, Т.Орлова, И.Панкратенко, В.Сажин, Д.Тренин, А.Уткин, Р.Фридман, В.Хуторская, С.Щевелев, Р.Эбел и др.

Цель исследования – рассмотрение основных тенденций внешнеполитических интересов ИРИ на постсоветском пространстве. К задачам статьи относятся: освещение специфики современной геополитической обстановки на Большом Ближнем Востоке в контексте международных позиций Ирана; характеристика иранских внутриполитических особенностей и внешнеполитических устремлений в отношении государств постсоветского Южного Кавказа и Центральной Азии.

Изложение основного материала исследования. Специфика иранских интересов на постсоветском пространстве обусловлена как внутренними этнополитическими и социально-экономическими факторами, так и современной геополитической ситуацией в регионе Южного Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока. В частности, протяженность границ Ирана с Азербайджаном составляет 611 км, с Арменией – 35 км и с Туркменистаном – 992 км [4]. Поэтому закавказская и центрально-азиатская части постсоветского пространства пред-

ставляются своеобразным «задним двором» ИРИ, внутриполитическая обстановка в котором непосредственно затрагивает его национальную безопасность и внешнеполитические интересы [5; 6].

Геополитические перипетии последнего десятилетия способствовали усилению международных позиций шиитского Ирана. Так, еще десять лет назад он был окружен кольцом суннитских режимов: Ирака и Саудовской Аравии – на Западе, Пакистана и Афганистана – на Востоке. После падений режима С.Хусейна в Ираке и Талибана в Афганистане ситуация изменилась. Теперь ИРИ поддерживает единоверцев в Бахрейне (где шииты составляют 75 % населения), Ираке (65 %), Кувейте (30%), Ливане (45 %), Пакистане (20 %) и Саудовской Аравии (10 %). Крушение баасистского Багдада и талибановского Кабула открыло Тегерану дорогу к лидерству в регионе, где сконцентрировано 2/3 запасов мировой нефти [7, с. 617]. «У Ирана в определенном смысле нет соперников на Большом Ближнем Востоке, – отмечал российский исследователь А.Уткин. – Саудовская Аравия слаба в геостратегическом смысле – ее правящая династия ощущает свои уязвимые стороны, она готова на отступления ради сохранения династии. Эр-Рияд не может замкнуться в авторитаризме и, кажется, вынужден пойти на политические реформы. Египет сотрясает внутреннее недовольство бедной страны, ничего не получившей от дружбы с Западом в период глобализации. Пакистан владеет большим населением и ядерным оружием, но у него неконтролируемое, недисциплинированное население, делающее шаткими региональные амбиции Исламабада, фактически находящегося в состоянии войны с Индией. Туркам, у которых курдское население стремительно приближается к половине общенационального, придется мириться с четырехмиллионным – практически независимым Северным Курдистаном в новом Ираке. Иракские сунниты могут оказаться под опекой Саудовской Аравии, хотя боязнь трансплантировать «остров интифады», скорее всего, отпуг-

нет саудовцев» [7, с. 618].

Таким образом, продолжал специалист, «образуется полумесяц от Бейрута до Исламабада. В китайском направлении двинется шиитский восток, а сунниты повернутся в атлантическом направлении. Только Иран способен направить эволюцию ближневосточного региона в ту или иную сторону, только эта страна может эффективно повлиять на Иерусалим и Багдад посредством воздействия на самые действенные мусульманские организации, такие как «Хезболла» и «Хамаз». Только Иран способен перекрыть поток нефти из Персидского залива к бензобакам западных автомобилей, самолетов, танков. Фактически именно Тегеран определяет, сколько нефти пройдет через Ормузский пролив, равно, как только Иран имеет свое «слово» в Каспийском море. Это в западном мире.

Практически не менее важно происходящее в незападном мире: от Ирана зависит поток нефти в Китай и Индию. Будучи долгое время парией Запада, Иран оценил значимость двухсторонних соглашений с Китаем и Индией» [7, с. 618].

На этом фоне ИРИ пытается реализовать свои интересы в регионе постсоветского Южного Кавказа и Центральной Азии. Характерно, что в иранской стратегии относительно закавказских государств, при наличии фактора религиозной догматики, все же преобладает геополитический прагматизм. Подобное во многом обусловлено угрозами внутривосточной стабильности, связанными с проживанием на территории Ирана значительного количества этнических азербайджанцев, также исповедующих шиитское направление ислама: таковых порядка 16 % от общей численности населения, что составляет примерно 12,6 млн. человек [4]. В свою очередь, в самом Азербайджане насчитывается около 8 млн. этнических азербайджанцев [8], а в рамках официальной идеологии республики преобладают суждения об искусственном разделении ее исторической территории [9; 10].

Между тем, политическая элита Ирана ценит возможность Армении блокировать стремление Азербайджана к региональному лидерству, поскольку его усиление предполагается приведет к упрочнению позиций Турции в регионе, что противоречит иранским интересам. В связи с этим Ереван и Тегеран сохраняют тенденции к сближению по ряду стратегических вопросов. Показательно, что ИРИ часто выражал поддержку армянской стороне в ее конфликтах с Азербайджаном [2, с. 178].

Особое значение иранско-армянского сотрудничества подтверждает подписание в мае 2004 г. контракта по строительству газопровода Иран – Армения, торжественное открытие которого состоялось 19 марта 2007 г. в присутствии президентов двух стран. Договор заключен сроком на 20 лет. Стоимость проекта оценивается в 200 – 250 млн. долл. На первом этапе функционирования ИРИ должен поставлять в Армению 1,1 млрд. куб. м. газа ежегодно, а с 2019 г. – по 2,3 млрд. Первый этап предусматривает строительство 100 км газопровода по иранской территории и 41 км – по армянской, а на втором этапе предполагается сооружение трубопровода Каджаран – Сисиан –

Джермук – Арарат. Следуя проекту, газ подается на Разданскую ТЭС. В соответствии с бартерными условиями поставок Армения обязуется обеспечить Иран 3-мя кВт/ч электроэнергии за каждый кубометр полученного газа. С учетом этого, «Газпром», пользуясь контролем над «Армросгазпромом», добивается не только повышения цены российского газа, но и ограничения поставок из ИРИ только объемами, необходимыми Разданской ТЭС [11; 12].

Необходимо отметить, что с 2005 г. в прессе и общественно-политических кругах обеих стран обсуждается возможность строительства нефтепровода Иран – Армения, предназначенного уменьшить энергетическую зависимость Еревана от Москвы. В настоящее время армяно-иранские переговоры относительно данного проекта выходят на стадию завершения [13]. Согласно подписанному в феврале 2012 г. соглашению, ИРИ планирует поставлять в Армению 1,5 млн.л бензина и дизтоплива в день. Иранский министр нефти М.Мир-Каземи в конце января 2012 г. заявил, что обе стороны планируют строительство нефтепровода, который увеличит объем поставок энергоносителей Ирана в Армению. Нефтепровод пройдет из Тебриза до армянской границы. Для этого трубопровод диаметром 8 дюймов (203 мм) и протяженностью 365 км предполагается сдать в эксплуатацию в 2014 г. [14].

По ряду позиций наблюдается совпадение и иранско-российских интересов в Закавказье. В-первых, ИРИ в силу специфики своего геополитического положения и этнонационального состава, как и РФ, заинтересован в сохранении стабильности в регионе, а также в недопущении увеличения влияния нерегиональных акторов, в частности, США и Израиля. Объединяющей позицией является и негативное отношение обеих сторон к функционированию нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, предназначенного для транспортировки азербайджанской нефти на мировые рынки через территорию Грузии и Турции в обход России [10, с. 152]. Кроме того, геоэкономическая составляющая интересов Ирана на постсоветском пространстве предполагает достижение контроля над добычей и экспортом закавказских и центрально-азиатских углеводородов в южном, западном и восточном направлениях [6]. В этом контексте ИРИ выгодна ситуация, когда РФ закрывает доступ западным компаниям в Каспийский регион, тем самым создавая благоприятные условия для увеличения здесь иранского влияния [2, с. 178].

Внешнеполитические интересы Ирана в Центральной Азии имеют свои особенности. В целях обеспечения национальной безопасности ИРИ заинтересован в стабильности в регионе. С учетом проживания в северной части Ирана значительного количества тюркских народов, рост националистических – главным образом пантюркских – настроений в центрально-азиатских государствах может привести к дестабилизации внутривосточной обстановки в стране. Увеличивает подобные угрозы и то, что большая часть населения граничащих с государствами Центральной Азии иранских районов, исповедует ислам суннитского толка. Опасения в свете указанных угроз представляются объединяющими позициями ИРИ и России в

центрально-азиатском регионе [15]. При этом видимое иранско-российское сближение последних лет во многом стало следствием роста напряженности в отношениях Ирана с Западом и, в первую очередь, США. В результате этого иранское руководство форсировало переговоры о вступлении в ШОС, получив по инициативе РФ в 2005 г. статус наблюдателя в этой организации, что признается значительным дипломатическим успехом [7; 10].

Стремясь к региональному лидерству, ИРИ пытается увеличить свое влияние в центрально-азиатских государствах посредством реализации программ сотрудничества в области культуры, образования, науки, пропаганды персидского языка и литературы, демонстрируя, таким образом, цивилизационную составляющую своей стратегии [15]. В этой связи известны иранские усилия, направленные на получение данных о шиитских общинах Центральной Азии, компактно проживающих в среде суннитского населения региона. Так, на территории Таджикистана, преимущественно Горно-Бадахшанской автономной области (где большинство жителей принадлежит к исмаилитской ветви шиизма) [16], а также Хатлонской, Согдийской областей и Душанбе отмечается увеличение влияния иранских шиитов [17]. Имеются сведения о проживании шиитских общин (состоящих из малых групп персов и курдов) в Туркменистане и Бухарской области Узбекистана [18]. Примечательно, что в настоящее время на постсоветском пространстве наблюдается общая тенденция усиления исламского влияния, о которой российский исследователь К.Гаджиев писал: «На практическом уровне подобные установки в мусульманских республиках России и странах Центральной Азии и Азербайджане проявляются в том, что здесь созданы и функционируют множество мусульманских благотворительных, просветительских, культурных, политических организаций. Усиливаются позиции и активизируется деятельность разного рода исламских организаций, финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Ираном и другими мусульманскими странами. Для них характерна практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для установления тесных связей Кавказа и Центральной Азии с остальным миром ислама» [9, с. 355].

Однако взаимодействие в религиозной сфере руководства ИРИ с государствами региона на современном этапе носит ограниченный характер. В свою очередь, цивилизационный аспект сотрудничества довольно развит в отношениях Тегерана с Таджикистаном, население которого в культурном и языковом плане является родственным иранскому. Следует учитывать, что с помощью таджикской диаспоры Иран может оказывать дополнительное воздействие на, имеющий стратегическое значение, Афганистан, ситуация внутри которого оказывает значительное влияние на стабильность и безопасность всего центрально-азиатского региона [19, с. 469-471]. Среди угроз, порождаемых афганской стороной и затрагивающих иранские национальные интересы, выделяются: положение шиитов Афганистана; проблема наркотрафика;

приток беженцев; вероятность дестабилизации обстановки в Белуджистане (юго-восточной провинции Ирана) и т. д. [5; 20].

В процессе реализации внешнеполитических интересов в Центральной Азии ИРИ сталкивается с конкуренцией таких акторов, как Россия, США, Китай, Турция, Пакистан, Индия, Израиль, Саудовская Аравия и т.д. [7; 10; 19; 20]. При этом в последние годы наблюдается снижение иранского влияния в регионе. Одной из причин этого является неприятие элитами центрально-азиатских государств идей «исламской революции», опасаясь «взрыва» мусульманского фундаментализма и политизации ислама, что неминуемо приведет к дестабилизации их внутривосточного положения [21]. Подобные страхи обусловлены тем, что, как подчеркивают специалисты, «борьба с политическим исламом за власть оказалась для правящей элиты пяти среднеазиатских республик неожиданно жестокой. Их противники – радикализованные исламисты ведут войну на уничтожение. Ислам этих прозелитов – вовсе не умеренный суфизм, но заимствованные у Талибана воинственные обертон, постоянно питаемые исламскими медресе Пакистана и ваххабизмом Саудовской Аравии» [22, с. 89].

Ослабляет влияние Ирана в регионе и произошедшее в последнее десятилетие укрепление здесь позиций США, стимулирующее антииранские настроения [21]. Также перспективы увеличения роли ИРИ в Центральной Азии нивелирует очевидность его неспособности предложить государствам региона действенную помощь в сфере инвестиций и технологий. Поэтому, полагают исследователи, в наши дни отмечается определенная стабилизация «иранской активности в регионе» [2, с. 179].

Видимый прогресс в отношениях Ирана с центрально-азиатскими странами наблюдается лишь в торгово-экономической области и диверсификации направлений топливно-энергетического взаимодействия. В частности, довольно успешно развивается внешнеэкономическое сотрудничество ИРИ с Узбекистаном и Туркменистаном [2, с. 179]. Вместе с тем, по мнению некоторых экспертов, активизация взаимодействия с туркменской стороной отчасти связана с иранской атомной программой в контексте возможной угрозы удара американских сил по его ядерным объектам и поиском местными элитами надежного укрытия. «... Тесные секретные переговоры между Тегераном и Ашхабадом, - акцентируют специалисты, - касаются вопроса эвакуации руководства Ирана в Туркменистан, которому есть за что быть благодарным: на протяжении последних лет Иран построил туркменам первоклассную автомагистраль и железную дорогу, навел мосты через реку Теджен, поставил в неурожайные годы зерно и муку» [7, с. 625].

Иранские интересы в плане диверсификации углеводородных потоков проявляются в реализации совместных с государствами региона проектов. Строящийся газопровод «Шелковый путь», предназначен поставлять «голубое топливо» из ИРИ в Китай через территорию Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. Его пробная ветка Туркменистан – Китай уже функционирует, что способствовало воз-

никновению известного газового конфликта между РФ и Туркменистаном в 2009 г. [23; 24]. Показателем интенсивности туркменско-иранского сотрудничества в данной сфере стало введение в строй в январе 2010 г. газопровода, соединившего Довлетабадское месторождение в Туркменистане и местность Хангеран в Иране. Газопровод позволит довести общий объем поставок газа из Туркменистана в ИРИ до 20 млрд. куб. м ежегодно. С выходом на проектную мощность можно будет транспортировать каждый год 12 млрд. куб. м природного газа. На первоначальном этапе предполагается прокачка около 6 млрд. куб. м газа в год [25].

Значительным проектом с участием Ирана и государств постсоветского пространства является «Набукко» - планируемый магистральный газопровод протяженностью 3300 км из Туркменистана и Азербайджана в страны ЕС, прежде всего Австрию и Германию, в обход России. Для обеспечения его мощности были предложены несколько иранских месторождений (например, Южный Парс). Указанный проект также вызывает негативную реакцию российской стороны, являясь альтернативой ее газопроводам, в частности, строящемуся Газпромом Южному потоку [26; 27].

Выводы. Проведенное исследование показывает, что ИРИ стремится достигнуть максимально выгодных геостратегических позиций на постсоветском пространстве, в первую очередь, в регионе Южного Кавказа и Центральной Азии. Иранская внешнеполитическая стратегия здесь включает геоэкономическую и цивилизационную составляющие. При этом внешнеполитические

интересы Ирана подчинены необходимости обеспечения собственной национальной безопасности и внутривнутриполитической стабильности через недопущение усиления в регионе экстремистских настроений на национальной и религиозной почве, а также противодействие увеличению влияния нерегиональных акторов, главным образом, США и Израиля.

Иранские внешнеполитические интересы в постсоветском Закавказье и Центральной Азии определяются факторами стремления к установлению выгодного торгово-экономического сотрудничества, перераспределению ресурсов Каспия, достижению контроля над добычей и экспортом углеводородов, диверсификации направлений топливно-энергетического взаимодействия и влиянию на ситуацию в Таджикистане, а через него возможности оказания дополнительного воздействия на Афганистан. В процессе реализации обозначенных целей преобладает геополитическая составляющая. Исключением является политика ИРИ в отношении Таджикистана, сочетающая методы геополитического и цивилизационного воздействия.

Однако, в силу ограниченности идеологического и инвестиционного обеспечения внешнеполитических интересов, противодействия глобальных и региональных акторов и собственных внутривнутриполитических проблем, иранская политика в отношении закавказской и центрально-азиатской частей постсоветского пространства в настоящее время стабилизировалась, характеризуясь прагматизмом и геополитической целесообразностью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Брук Дж. Россия и Иран: сложные отношения с XVI века [Электронный ресурс] / Дж. Брук. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/asia/20120124/183791859.html>
2. Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / Ирхин А. А. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.
3. Тренин Д. Иран: взгляд из Москвы / Д. Тренин, А. Малащенко; Пер. с англ. М. Коробочкина; Моск. Центр Карнеги. – М.: Пресс клуб сервис, 2010. – 31 с.
4. Iran // The World Factbook [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>
5. Щевелев С. С. История стран Азии и Африки в новейшее время (70-е годы XX в. – 2006 г.) / Щевелев С. С. – Симферополь-Москва: МЦСПИ, 2006. – 272 с.
6. Freedman R. O. Russian-Iranian Relations in the 90s [Electronic Resource] / R. O. Freedman // MERIA. – Vol. 4., № 2 – June 2000. – Access Mode: <http://meria.idc.ac.il/journal/2000/issue2/jv4n2a5.html>
7. Уткин А. И. Подъем и падение Запада / Уткин А. И. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.
8. Azerbaijan // The World Factbook [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html>
9. Гаджиев К. С. Геополитика: Учебник / Гаджиев К. С. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 479 с.
10. Щевелев С. С. История стран Центральной Азии и Закавказья на рубеже XX – XXI веков / Щевелев С. С. – Симферополь-Москва: ЦСПИ, 2007. – 180 с.
11. Газопровод Иран-Армения введен в строй [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/19mar2007/gazoprovod.html>
12. Ebel R. E. The Geopolitics of Russia Energy. Looking Back, Looking Forward / Ebel R. E. – Washington, D. C.: CSIS, 2009. – 66 p.
13. Нефтепровод Иран-Армения может быть реализован в недалеком будущем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://analitika.at.ua/news/nefteprovod_iran_armenija_mozhet_byt_realizovan_v_nedalekom_budushem/2012-04-14-60721
14. Нефтепровод Иран-Армения – будущее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vip.am/interesnoe/biznes/nefteprovod-iran-armenija-budusche.html>
15. Хуторская В. В. Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии / В. В. Хуторская // Иран: Ислам и власть. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2001. – С. 222-229.
16. Панкратенко И. Шииитский Иран: геостратегия и геополитика [Электронный ресурс] / И. Панкратенко. – Режим доступа: <http://www.ansar.ru/analytics/2011/01/27/10764>
17. Кабиров Ф. ЦентрАзия: Таджикистан на треть уже шиитский? [Электронный ресурс] / Ф. Кабиров. – Режим доступа: <http://www.islamsng.com/tjk/opinion/795>
18. Религии, распространенные в Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orexca.com/rus/religia.shtml>

19. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век / Коргун В. Г. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – 527 с.
20. Орлова Т. В. История новых независимых держав: Postsovieticum: Навч. посіб. / Орлова Т. В. – К.: Знання, 2010. – 487 с.
21. Сажин В. И. Региональная политика Ирана: «шиитские» рычаги для соседей [Электронный ресурс] / В. И. Сажин. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1093845240>
22. Уткин А. И. Мир после сентября 2001 года / Уткин А. И. – М.: Издатель А. В. Соловьев, 2002. – 254 с.
23. Гобао Чжан. Вдоль древнего Шелкового пути строится новый мост дружбы [Электронный ресурс] / Чжан Гобао. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/6686520.html>
24. Бхадракумар М. К. Трубопроводный проект – новый Шелковый путь [Электронный ресурс] / М. К. Бхадракумар. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/india/20101216/164957557.html>
25. Падукон Н. Все «шелковые пути» ведут в Тегеран [Электронный ресурс] / Н. Падукон. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/66086/>
26. Очень дорогой Nabucco [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trubagaz.ru/issue-of-the-day/ochen-dorogoj-nabucco/>
27. Венгерские власти заявили о выходе из проекта Nabucco [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2012/04/24/nabucco/#>